

Список литературы

1. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) / В. И. Карасик // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 2.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. – М., 1997.
3. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 1.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М., 2001.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997.
6. Тер-Минасова С. Г. Личность и коллектив в языках и культурах / С. Г. Тер-Минасова // Вестник Московского университета. – 2003.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пос. / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000.
8. Barnhart Dictionary of Etymology / ed. R. K. Barnhart. – H.W. Wilson Co., 1988.
9. Dictionary.com, LLC., 2011. – Access mode: <http://dictionary.reference.com>, free. – Title from screen. – English.

**РОЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ
И ИНТЕРДИСКУРСИВНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ
В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ НАУЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Е.А. Бочарникова

Статья посвящена исследованию роли интертекстуальных и интердискурсивных включений в процессе понимания научного экономического текста. Описаны основные когнитивные механизмы, участвующие при формировании и интерпретации информации, передаваемой посредством реализации интертекстуальной и интердискурсивной связи.

The article dwells on the role of intertextual and interdiscursive inclusions for the scientific economic text understanding. The main cognitive mechanisms participating in the process of encoding and decoding of the information presented by means of intertextual and interdiscursive interrelation are described.

Ключевые слова: интертекстуальное включение, интердискурсивное включение, научный экономический текст, когнитивный механизм.

Key words: intertextual inclusion, interdiscursive inclusion, scientific economic text, cognitive mechanism.

Не вызывает сомнения тот факт, что информационные барьеры опасны в любой сфере коммуникации, особенно в науке, в связи с чем проблема понимания научного текста стоит достаточно остро. С одной стороны, однозначность контекста и стереотипность синтаксических конструкций улучшают распознавание сообщений. Научный текст строго логичен, материал подается в нем аналитически. В нем меньше асимметрии между планом выражения и планом содержания, больше традиционности в выборе формулировок. Создается впечатление, что в силу точности и эксплицитности содержания научный текст в некоторых отношениях должен быть доступнее художественного. С другой стороны, семантическая конгениальность с автором текста вряд ли достижима, понимание затруднено из-за усложнения процессов научной коммуникации, терминологической насыщенности и информационной глу-

бины. По этой причине, на наш взгляд, авторами научных экономических текстов зачастую вводятся интертекстуальные включения – фрагменты экономической литературы, заимствованные из других источников (как правило, с указанием этого источника) и интердискурсивные включения – фрагменты знания, привлеченные из других научных областей / дискурсов с целью формирования и репрезентации знания экономики.

Логично предположить, что и интертекстуальные, и интердискурсивные включения служат вспомогательным инструментом автора, позволяющим лучше / корректнее представить научную информацию и донести ее до адресата, однако следует признать, что в ряде случаев при декодировании информации, передаваемой посредством интердискурсивного / интертекстуального взаимодействия (то есть с участием заимствованной информации), адекватное понимание смысла сообщения может оказаться невозможным, если реципиент не обладает определенной базой так называемых фоновых (предпочтительных) знаний.

В частности, как стало известно в результате анализа содержания интердискурсивных включений, выявленных в научных экономических текстах, в процессе понимания некоторых из них возникает потребность не только в энциклопедических знаниях, но и в знании человеческой природы, особенностей человеческого поведения, единиц паремиологического характера, библейских текстов, литературных традиций, эстетических и моральных норм и т.п. Так, корректное представление о смысле следующей паремии позволяет правильно интерпретировать фрагмент научной информации, в котором сообщается о причинах возникновения такого экономического феномена, как рецессия: «ничтожный окуроч может поджечь большой лес» [4, с. 221]. «Ничтожный окуроч», по-видимому, метафорически характеризует любой из факторов, способных вызвать сокращение совокупного спроса; «поджечь большой лес», вероятно, означает способность спровоцировать нестабильную экономическую ситуацию и, следовательно, социальную напряженность, вызывающую рецессию.

Для понимания содержания интердискурсивных включений особое значение приобретает знание терминологии: как общенаучной, так и частноотраслевой, причем главным образом – терминов базового уровня. Последние, согласно проведенному исследованию, репрезентируют знания экономики с позиций той области знания, к которой они изначально относятся, как в следующем примере: “*When the CEECs rid themselves of the communist system Western Europe had so opposed for the 40 plus years of the Cold War, many EU policy practitioners were quick to argue that the EC/EU virtually had no obligation to help CEECs to realize their ambitions*” [13, p. 9]. Очевидно, что в данном примере термины истории участвуют в формировании и представлении знаний экономики. Общенаучные термины вводят адресата в мир научного познания, давая представление о том, какими общими понятиями, принципами, методами и инструментами оперируют ученые, например: “*Keynesian analysis of performance of the economy concentrates on the role of fluctuations in aggregate purchases of domestic products as a cause of cyclical unemployment, recessions, and inflation*” [10, p. 740].

Отметим, что если рассматривать экономические термины как интертекстуальные включения, поскольку они постоянно «переходят» из одного текста научной экономической литературы в другой, то их понимание для эру-

дированного в области экономики человека, на наш взгляд, сложностью не представляется.

Помимо знания терминологической лексики, адресат научного текста должен иметь представление о научном стиле, а также об архитектонике научного текста. Знание этого типа текста формирует у адресата ожидание особого изложения материала и его распределения в тексте. Например, реципиент, заметив сноску, вправе полагать, что информация, представленная в следующем фрагменте, будет дополнительно «расшифрована» автором, возможно, как в следующем примере, с помощью интердискурсивного включения: *“Of course, if we put too low a price on the asset we are selling, perhaps because we want large queues of buyers for this asset so we can claim how popular it is, we make a loss on the sale and you make a profit. That is one way the government could be worse off by privatization”*.⁴

⁴ *Most UK privatizations do seem to have been underpriced. The government believed there was an important externality in encouraging wider share ownership, and was prepared to subsidize this activity*” [7, p. 327]. С помощью данного интердискурсивного включения, содержащего информацию, восходящую к политическому дискурсу, автор позволяет понять, в чем именно заключался недостаток приватизации в Великобритании.

Понимание интердискурсивных включений, содержащих общезнающие знания (например: *“In exceptional circumstances, society may find that some of the questions about what, how and for whom to produce have already been answered, until the arrival of Man Friday, Robinson Crusoe need not worry about the ‘for whom’ question”* [7, p. 2]), достигается, вероятно, через узнавание задействованного прецедентного феномена и наложения его смыслового пространства на смысловое пространство того фрагмента научного экономического текста, в котором описывается экономическое понятие / концепт. Использование автором имени литературного героя, то есть привлечение фрагмента художественного дискурса, очевидно, помогает раскрыть смысл такой важной проблемы экономики, как «для кого производить». Восстановив определенный объем фоновых знаний, реципиент сможет предположить, что у одинокого Робинзона Крузо до появления Пятницы проблемы «для кого производить» не существовало.

На примере следующего фрагмента, который мы называем интертекстуальным в силу его экономического происхождения, можно проследить связь экономического концепта «факторы производства» с другими концептами экономики: *Каждая страна, согласно Смиту, должна специализироваться на производстве того товара, где она обладает абсолютным преимуществом, то есть способностью производить данный товар с меньшими затратами, чем в странах, с которыми она вступает в торговые отношения* [2, с. 508]. Данное интертекстуальное включение через вербализованный концепт «затраты» имплицитно включает концепт «капитал», раскрывает взаимосвязь с другими концептами экономики («товар», «производство»), а также, апеллируя к имени известного экономиста, способствует активизации в сознании реципиента основополагающего труда по экономике «Исследование о природе и причинах богатства наций», в котором изложено понимание А. Смитом факторов производства. Используя данное включение, автор текста предполагает наличие у адресата достаточной базы экономических знаний, поскольку ни инициалы Смита, ни название его основного труда не упоминаются.

Следующее интертекстуальное включение позволяет реципиенту расширить представление о концепте «факторы производства»: *«Стремление к прибыли, – подчеркивает выдающийся австрийский экономист Ф. Хайек, – это как раз то, что позволяет использовать ресурсы наиболее эффективно. Высокосознательный социальный лозунг "производство во имя потребления, а не ради прибыли..." свидетельствует о полном отсутствии внимания к тому, как приумножаются производственные возможности»* [6, с. 55]. Посредством данного включения, представленного в виде цитаты, содержание концепта «факторы производства» расширяется за счет вербализации концепта «прибыль», указанного Ф. Хайеком. Взаимосвязь «прибыли» с понятиями «ресурсы» и «факторы производства» неоспорима исходя из содержания цитаты. Фраза «высокосознательный социальный лозунг» **«производство во имя потребления, а не ради прибыли...»** раскрывает частичное совпадение повседневных (социальных) и экономических понятий, интегрируя фрагменты повседневной и экономической картин мира. В то же время последняя часть интертекстуального включения позволяет сделать умозаключение о том, что в обыденном сознании отсутствует представление о необходимости получения прибыли для увеличения «производственных возможностей» (то есть основных средств производства) и, следовательно, расширения производства и увеличения выпуска продукции, что присуще экономическому сознанию.

Однако информация, содержащаяся в интертекстуальных и интердискурсивных включениях, может быть представлена имплицитно, как, например, в следующем случае: *«Самое нелепое и вредное для человечества, говорит Форд, – утверждать, что все люди равны. Они очень разные, и тот, "кто много создает", должны и "много приносить в свой дом", и наоборот. Именно в этом состоит «строгая социальная справедливость, проистекающая только из честного труда». Благотворительности в оплате труда места нет. Каждый получает ровно столько, сколько заслужил»* [4, с. 291]. Можно предположить, что известный американский предприниматель Г. Форд говорит о таких факторах производства, как таланты и способности отдельного человека, а также о том, что чем выше потенциал человека, то есть его *skills*, тем больше благ он может создать, то есть тем выше объем *выпускаемой им продукции/output*, за которую он и получает вознаграждение (заработную плату). Таким образом, анализ имплицитного данной цитатой смысла позволяет сделать вывод о взаимосвязи концептов «объем продукции» и «способности предпринимателя» (в том числе физический или умственный труд), а также связь этого концепта с другим концептом экономики – «доход» («прибыль» / “profit”, «заработная плата» / “wages”). Данный вывод удалось сформировать вследствие действия когнитивного механизма инференции.

Выявление имплицитной информации, представленной в следующем интертекстуальном включении, немаловажно для понимания всего сообщения: *“Adam Smith, the father of economics, argued in his 1776 classic, The Wealth of Nations, that people pursuing their own interests are led as if by ‘an invisible hand’ to promote the interests of society”* [7, p. 50]. Вполне очевидно, что имплицитная информация содержится в метафорическом концепте «невидимая рука» / “invisible hand”, и правильной интерпретация данного включения будет только в том случае, если адресату известно, что принцип «невидимой руки», под которым подразумеваются неосознаваемые стимулы экономической деятельности, сводится к следующему: участники экономической дея-

тельности, действуя в угоду собственным интересам, неосознанным образом способствуют увеличению общественного блага. Будут ли выявлены когнитивные признаки понятия «невидимая рука», предположим, такие, как “self-interest”, “unintentional action”, “general interest”, и будет ли «распознана» имплицитная информация, зависит от степени экономической эрудированности реципиента. Понимание данного интертекстуального включения требует не только инферентного вывода, но и распознавания когнитивной метафоры.

Как показал анализ интертекстуальных и интердискурсивных включений, выявленных в содержании научных экономических текстов, данные средства уточняют, поясняют, расширяют представление об экономических концептах, объективируют содержание концепта через описание или указание на отдельные концептуальные и/или атрибутивные признаки, обозначают связь с другими концептами в концептосфере данной науки, раскрывают взаимосвязь различных наук, а также научной экономической картины мира с обыденной картиной мира и в целом содействуют передаче знания.

Основным предназначением изучаемых лингвистических средств является создание единого пространства научной коммуникации и установление взаимосвязи между различными текстами и дискурсами, макротемой и микротемой текста и др. Помимо этого, интердискурсивные включения содействуют актуализации других основных категорий текста, а также выполняют следующие дискурсивные функции: информативную, оценочную, активизирующую, иллюстративную, аргументативную, декоративную, которые, как правило, комбинируются. Интердискурсивные и интертекстуальные включения значительно упрощают адресату процесс понимания и усвоения научной информации, апеллируя к существующей у него базе фоновых знаний.

Учитывая сказанное выше, можно предположить, что понимание интертекстуальных и особенно интердискурсивных включений и извлечение информации из них сопряжено с действием особых ментальных операций, обеспечивающих проникновение от поверхностного к глубинному смыслу языковых знаков и позволяющих получить новое знание.

Как показывает проведенный анализ, основные когнитивные механизмы, участвующие в интерпретации информации, передаваемой средствами интердискурсивного выражения, – это инференция, дедукция, индукция, умозаключение и концептуальная интеграция.

Понимание текста в целом и на уровне глубинного смысла особенно часто связывают с механизмом инференции, поскольку, по словам Е.С. Кубряковой, «все, кто занимались проблемами понимания дискурса или текста, вынуждены были признать, что неотъемлемой чертой такого понимания оказывается сама необходимость **ВЫВОДНОГО ЗНАНИЯ**, то есть **ИЗВЛЕЧЕНИЕ СВЕРХТЕКСТОВОЙ** или **ЗАТЕКСТОВОЙ** информации» [3, с. 29]. Изучая характер передаваемой посредством интертекстуальных и интердискурсивных включений информации, мы пришли к выводу, что в одних случаях информация представлена эксплицитно, в других – имплицитно (см. выше).

Опираясь на данный вывод, интертекстуальные и интердискурсивные включения можно рассматривать как знаки, позволяющие восстанавливать смыслы, не выраженные вербальными средствами научного экономического текста. Проанализируем содержание следующего интердискурсивного включения: *“In the United Kingdom, teachers’ wages are low in spite of the fact that there is a shortage of qualified teachers... Other professionals, like doctors, accountants and lawyers manage to maintain high wages through other means of*

unionization, erecting virtual 'green belts' to make it hard for potential competitors to set up shop" [9, p. 27]. Интердискурсивное включение представлено примером из дискурса социальной практики и иллюстрирует значение деятельности профсоюзов в конкурентной борьбе на рынке трудовой силы, раскрывая такую характеристику экономического концепта «конкурентность», как «защита профессиональных интересов». Проанализировав содержание данного фрагмента, можно заключить, что профессионалы, имеющие дипломы высококвалифицированных докторов, юристов и бухгалтеров, получают высокие гонорары в Великобритании, так как профессиональная деятельность этих специалистов защищается профсоюзами. Преподавательская среда не входит в сферу влияния деятельности профсоюзов, и уровень зарплат учителей в Великобритании остается низким, несмотря на недостаточное количество хорошо подготовленных специалистов в данной области. Вследствие действия когнитивного механизма инференции можно предположить, что профсоюзы в Великобритании берут под свое покровительство только те профессиональные сферы, деятельность которых приносит высокий доход. Отдельно взятый преподаватель (в отличие от юриста или доктора) не может открыть частный кабинет и зарабатывать деньги, и, следовательно, осуществлять определенный взнос профсоюзу. Интересы учителей, таким образом, никто не отстаивает, и государство, выступая полноправным монополистом, удерживает уровень зарплат «незащищенных профессиональных сфер» на выгодном для себя уровне.

Термин «импликация» подразумевает разграничение между актуально высказанным и молча подразумеваемым (см., например, [13]); адресанту приписывается уверенность в том, что реципиент воспримет сообщаемую информацию без уточнений [8], как, например, в следующем фрагменте, содержащем концепт из области повседневной практики: *"It will be Game Over, and not just for the American dream, but for the dreams of the entire world"* [11, p. 23]. Имплицитно представлена информация о том, что фраза *"American dream"* подразумевает высокий жизненный стандарт (собственный дом, высокооплачиваемая работа), славу, переход в более высокий социальный класс, может также указывать на интеллектуальную жизнь.

Термин «дедукция» означает «процесс логического вывода, то есть перехода по тем или иным правилам логики от некоторых данных предложений-предпосылок к их следствиям (заключениям)» [8, p. 155]. Продемонстрируем действие этого процесса на примере следующих интердискурсивных включений, заимствованных из литературно-художественного дискурса, которые объективируют экономический концепт «капитал / деньги»: *«Охваченные страстью к обогащению, капиталистические предприниматели с самого начала зачастую не пренебрегали никакими средствами, чтобы обогатиться. Об этом красноречиво повествуют в своих художественных произведениях, например, И.Д. Мамин-Сибиряк ("Приваловские миллионы"), Т. Драйзер (трилогия "Финансист", "Титан", "Стоик"), Э. Синалер ("Автомобильный король"), Э. Золя ("Деньги")»* [1, с. 52]; *«На это обратил внимание еще А.С. Пушкин, когда писал: "Внемлите истине полезной: без денег и свободы нет"»* [4, с.189]; *«"Капитал – это препохабие", читаем, к примеру, у Владимира Маяковского»* [4, с. 49]. Исходя из содержания данных примеров, можно сделать вывод о том, что капитал, выступая важнейшим аспектом жизни человеческого общества, приобретает негативный, пагубный характер, если начинает главенствовать над всеми устремлениями и желаниями человека.

Следует отметить, что понятию «дедукция» противопоставляется понятие «индукция» как «вид обобщения, связанный с предвосхищением результатов наблюдений и экспериментов на основе данных опыта» [5, с. 207]. Рассмотрим следующий пример: *“This rule broke up the Standard Oil Trust of John D. Rockefeller, which all time controlled over 90 percent of the market for refined oil. It was shown that the company had used railroad rates, rebates and discounts, business espionage, control of supplies to rivals, and price warfare specifically designed to drive rivals out of business or to weaken them for takeover by the Standard Oil Company. The Supreme Court viewed these practices as unusual and unfair”* [10, p. 383]. На основе эксплицитной информации данного интердискурсивного включения, привлеченной из области социальной практики, адресат может сделать вывод, что создание политики антимонопольного контроля будет способствовать развитию среднего и малого бизнеса в данной (как, впрочем, и любой другой) производственной сфере.

Широко распространен термин «умозаключение», который не только обозначает «умственное действие, связывающее в ряд посылок и следствий мысли различного содержания...», но и «реализует в плане внутренней речи присущие индивидуальному (или общественному) сознанию нормы и типы такой связи, которая и является в каждом отдельном случае психологической основой умозаключения» [5, с. 701]. Приведем следующий пример: *«Однако бедность – понятие относительное. Русская поговорка “У кого щи жидковаты, а у кого желудок маловат” хорошо отражает эту проблему»* [6, с. 551]. Из содержания интердискурсивного включения, представленного паремией, адресат на основе имеющихся у него опыта и знаний делает свое умозаключение относительно критериев рассматриваемого понятия.

Однако основной ментальной операцией при интердискурсивном взаимодействии, позволяющей интегрировать сведения и продуцировать новое знание, представляется механизм концептуальной интеграции.

С целью иллюстрации образования гибридного пространства и описания результата данного феномена обратимся к следующему примеру: *“Sociologists believe that the actions of political actors cannot be wholly explained in rational, egoistical or instrumental terms”* [13, p. 6]. В данном довольно сложном интердискурсивном включении, опирающемся на знания социологии (*sociologists believe*), психологии (*in rational, egoistical or instrumental terms*), политики (*political*) и театрального искусства (*actors*), феномен образования интегрированного пространства наиболее очевиден при анализе словосочетания *political actors*, в результате образования которого произошло слияние двух исходных ментальных пространств – «политическая деятельность» и «театральное творчество», – восходящих к общему когнитивному пространству «система правил поведения и действий, обусловленных спецификой профессиональной области». Сформировавшееся интегрированное пространство, объединив смыслы пространств-источников, выходит на новый уровень, нейтрализуя одни элементы исходных фреймов (структура каждого ментального пространства представлена присущими ему фреймами) и образуя новые. Из обоих пространств, очевидно, наследуются такие фреймы, как «искусство», «люди, выполняющие определенные действия», «игра» и т.д. По-видимому, фрейм «игра» является главным связующим центром двух ментальных пространств, в результате активизации которого возникшее гибридное пространство обретает новые характеристики: политическая деятельность наделяется признаками актерской профессии, деятели политики отождествляются с актерами (театра или кино), а

оценка самого явления вследствие использования автором данного метафорического переноса приобретает комический оттенок.

Таким образом, концептуальная интеграция предстает основным когнитивным механизмом при интерпретации интертекстуальных / интердискурсивных включений. Реализация данного механизма обладает способностью синтезировать разного рода информацию и различные стилистические приемы с целью получения более качественного, полномасштабного знания; объяснения экономических явлений с позиций различных аспектов в их взаимосвязи и взаимозависимости. В этом, по-видимому, следует усматривать важный фактор прогресса экономической науки, способный, на наш взгляд, обеспечить реинтеграцию фрагментированного знания, рассредоточенного в ряде смежных и связанных с экономикой областей, для решения конкретной экономической задачи.

Список литературы

1. Борисов Е. Ф. Экономическая теория : учеб. / под ред. Е. Ф. Борисова. – М. : Юристъ, 1997. – 568 с.
2. Камаев В. Д. Экономическая теория : учеб. / под ред. В. Д. Камаева. – М. : ВЛАДОС, 1998. – 640 с.
3. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем / Е. С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний. – М. : ИНИОН РАН, 1992. – С. 4–38.
4. Куликов В. Н. Экономическая теория : учеб. / под ред. В. Н. Куликова. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 432 с.
5. Философия : энциклопедич. словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.
6. Чепурин М. Н. Курс экономической теории : учеб. / под ред. М. Н. Чепурина. – 4-е изд., доп. и перераб. – Киров : АСА, 1999. – 752 с.
7. Begg D. Economics / D. Begg, S. Fisher, R. Dornbush. – London : Mc Graw Hill Book Company, 1997. – 667 p.
8. Givon T. On Understanding Grammar / T. Givon. – New York – London : London Academic Press, 1979. – 379 p.
9. Harford T. The Undercover economist / T. Harford. – Little, Brown, 2006. – 278 p.
10. Hyman D. N. Economics / D. N. Hyman. – Boston MA : IRWIN, 1992. – 1040 p.
11. Leeb S. GAME OVER / S. Leeb. – New York – Boston : Business plus, 2009.
12. Lyons J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge. – New York – London : London Academic Press, 1977. – 374 p.
13. Nugent N. European Union Enlargement / N. Nugent. – Palgrave Macmillan, 2004. – 312 p.